

Александр Ф. СКЛЯР: Вымышленные персонажи реальнее

Александр Ф. Скляр, лидер группы «Ва-Банкъ», за последние 20 лет претерпевал вместе с коллективом довольно сложные творческие метаморфозы. Раннее их творчество, как и положено молодежному рок-коллективу, изобиловало острохарактерными песнями про «Кислое вино» и шумные гулянки — «На кухне», так, собственно, композиции и назывались. В середине 90-х музыканты увлеклись агрессивным жестким стилем, именуемым «альтернативой», и одновременно стали пропагандировать здоровый образ жизни, борьбу с наркотиками и нехитрую, но правильную мысль, что за руль можно садиться только трезвым.

Беседовал Владимир Преображенский

В череде творческих экспериментов Скляра был и проект с Виктором Пелевиным — работа на стыке жанров и видов искусства. И следом — еще один неожиданный поворот. Начав параллельно с работой в группе сольную карьеру, Александр Скляр обратился к романсам, отечественной эстраде начала прошлого века. Одним из итогов этого увлечения стала программа песен Александра Вертинского, Вадима Козина, Петра Лещенко, Леонида Утесова.

Однако всякий, кто хоть немного представляет себе творческий путь нашего сегодняшнего собеседника, в курсе и иных крутых поворотов его судьбы. В свое время ради рок-музыки Александр Феликсович отказался от карьеры дипломата, которую начал было в Северной Корее.

— Встречались ли вам такие люди или вымышленные персонажи, которые меняли ваше мировоззрение или, по крайней мере, представление о каких-то сторонах жизни?

— В корне — нет, но, предположим, знакомство с произведениями Кнута Гамсуна, которое произошло несколько лет назад, очень сильно изменило мое представление о характеристике такого чувства, как любовь. Это настолько своеобразный взгляд, что тут поневоле что-то пересматриваешь у себя в голове.

— Бывало ли, что образы ваших песен переходили в реальную жизнь?

— Случалось, но не расскажу, ибо это очень личное. И тогда я понял, что отдельные приходившие тебе в голову образы не всегда стоит озвучивать, что самое, казалось бы, безобидное, но глупое чувство, размышление, которое вынесено на бумагу или стало песней, исполнено, может иметь обратное воздействие на тебя же самого. И здесь, действительно, подстерегает большая опасность.

— Продолжая тему... Какими качествами должна обладать женщина, чтобы вас, по крайней мере, заинтересовать?

— (Надолго задумывается, потом усмехается.) Я вчера готовился к концерту, в котором буду исполнять песни Высоцкого, перемежая их со своими. И выбирая песни, я наткнулся на очень давно мною записанную вешулю. Она называется «Бабы лето». Там есть такие строчки: «Я кручу на пропаду с самой ветреной из женщин. А я давно хотел такую — и не больше, и не меньше». И я подумал, что, несмотря на давность этой песни, привлекательность именно такого женского образа для меня не потеряла силу. Думаю, что простая, обычная женщина, такого, скажем так, среднестатистического склада, заинтересовать меня не может никоим образом. Интересны мне могут быть женщины артистического склада.

Совсем не обязательно при этом, что они должны быть артистками, но имеется в виду артистический склад характера, манеры поведения, отношение к реалиям. Это то, что меня интересует вообще в человеческом пове-

дении. Потому что каждый человек артистического склада особенно уникален. И если собственно артист — это собиратель некоего человеческого материала, который он использует в своих песнях, переводит в свое творчество, то очевидно, что ни мужчины, ни женщины такого просто, так сказать, порядка заинтересовать артиста, который любит копаться в нюансах, не могут.

А так как столь ярких артистических людей встречается, в общем-то, сравнительно мало, то начинаешь черпать материал в произведениях искусства. Я, например, не знаю, чего больше в моем творчестве: впечатлений от встреч с реальными людьми или впечатлений от встреч с вымышленными героями — из книг, из фильмов, из других произведений искусства. Думаю, что последних — больше. Но ведь они тоже являлись плодом воображения живых людей, творцов. Поэтому получается такая хитрая взаимосвязь.

С одной стороны, ты можешь влюбиться в Д'Артаньяна как в персонажа, с другой стороны, ты понимаешь, что Д'Артаньян — плод воображения Дюма. И тем не менее, эти вымышленные персонажи порой гораздо реальнее, чем те, кто подчас окружает тебя.

— Александр, один из ваших сольных альбомов назывался «Ведьмы и стервы». Обращаясь в своих песнях к темной стороне женской сущности, не опасались ли вы, что эти образы как-то спроецируются на вашу реальную жизнь?

— Ну, знаете, волков бояться — в лес не ходить. Если всего опасаться, заниматься творчеством — вообще вещь довольно рискованная, потому что сказанное тобой в творчестве слово может обернуться против тебя. Но если бы поэты этого боялись, все творчество было бы стерильным. А стерильное творчество неинтересно. И

А если ты работаешь для толпы, то, по определению Ницше, ты становишься человеком толпы. А творец должен быть «человеком себя». Творец должен быть одиночкой. Он должен, прежде всего, думать о своей душе.

да простят меня ведьмы — и стервы тоже, — я попытался в них немножко разобраться, покопаться без особого ущерба для них. А значит, надеюсь, не особо и себя подставлял под их, так скажем, флюиды. Некоторых персонажей конкретно я имел в виду, в частности, Диаманту Галас.

— Любовь, на ваш взгляд, может быть разрушительной?

— Конечно, может. Любовь земная — может. Ведь такая вещь, как страсть, может перейти как в любовь, так и в ненависть.

— Вы довольно долго прожили в Корее. Доводилось ли вам пользоваться услугами традиционной восточной медицины?

— Да, конечно. Корейцы и вообще восточные люди больше доверяют гомеопатии, чем синтезированным медицинским средствам. Но

разобраться в гомеопатии человеку непосвященному практически невозможно. Рецепты традиционных снадобов держатся в строгом секрете.

Помнится, у меня там заболел желудок от острой пищи, и все наши обычные, привезенные из России лекарства не помогали. А боли были очень сильные. И я вынужден был обратиться к корейскому врачу. Других не было (улыбается). И что интересно, женщина-врач в бытность корейской больницей, в которую я пришел, никаких данных анализом у меня не брала. Просто по описанию симптомов она прописала мне лекарство. В аптеке мне дали пузырек, граммов триста, в нем была очень странная, густого черного цвета, жидкость. И вот этот балласт меня вылечил за неделю. А что там был за состав — ну откуда я знаю? Ну и довольно много приходилось мне употреблять различных восточных просто общеукрепляющих — на женьшеневой основе.

— Можете назвать?

— Акира Куросава. Еще с юношества. Сейчас его место прочно занял в моей душе Такеши Китано и южнокореец Ким Ки Дук. У них свой взгляд, у них зачастую необычные мотивации действий, поступков их героев. Но именно это меня и захватывает. Если в американской и европейской современной прозе мне все понятно, логично выстраиваются линии тех или иных персонажей, то там очень часто они нелогичны. И именно это меня и захватывает. Это значит, ты можешь найти какие-то новые ракурсы восприятия.

— Ну, вернемся в Россию, где всегда считалось, что поэт — больше, чем поэт. На ваш взгляд, у музыканта, в частности рок-музыканта, помимо эстетического, должен быть еще и некий этический кодекс? То есть в какой мере он отвечает за сказанное со сцены?

— Если ты пишешь для того, чтобы высказаться о наиболее важном или о том, что тебе кажется важным, то, по большому счету, не важно, как твоё слово в умах и сердцах отзовется. Потому что тогда ты ставишь себя в позицию человека, который просто выбрал такой стиль жизни — высказываться. Ему есть о чем говорить (предположим). Эта позиция мне близка и понятна, и я сам, скорее всего, ей следуя. В таком случае свой этический кодекс целиком и

полностью контролируешь ты сам. Хочешь ты говорить про ненависть — ты говоришь про ненависть, хочешь про любовь — говоришь про любовь. Это уже в зависимости от того, что творится у тебя в душе и как она хочет себя выразить.

Если же ты пишешь для того, чтобы получить реакцию аудитории, то это совершенно другая позиция в искусстве. Ты становишься трибуном — положительным ли, отрицательным ли, противоречивым ли, ставящим себя на позицию учителя или, наоборот, приниженно изгой. Я пою для себя. И это всегда было так. Если Скляр спел «Я хочу пообщаться на Кубе; я хочу пожать руку Фиделю», то это я говорю про себя, это мои действительные мысли и чувства.

А если же ты хочешь получить обязательную обратную реакцию, причем определенного свойства, для тебя она важна, и ты все свое творчество заточиваешь не для того, чтобы себя высказать, а для того, чтобы получить ответную реакцию, то такая этическая позиция мне категорически не близка.

Потому что в таком случае, так или иначе, ты работаешь для толпы. А если ты работаешь для толпы, то, по определению Ницше, ты становишься человеком толпы. А творец должен быть «человеком себя». Творец

должен быть одиночкой. Он должен, прежде всего, думать о своей душе. И культивировать в ней все самое лучшее, а подальше, наоборот, все самое худшее. То есть в борьбе между доктором Джекилом и мистером Хайдом наша душа должна все время стремиться к внутреннему преобладанию доктора Джекила над мистером Хайдом. Если же ты человек толпы, то очень часто ты вынужден для толпы выносить мистера Хайда. Типичный пример — Мэрилин Мансон. Вроде бы, говорят, за пределами сцены хороший, добродушный, воспитанный человек, хороший семьянин, умный парень. Это он так думает. А когда он выходит, то становится таким антигероем, мистером Хайдом. Вот это позиция человека толпы. А то, что делал, например, Марлон Брандо, — это позиция одиночки. И тот и другой большое влияние на умы оказали.

— Но все-таки фигуры по масштабу, на мой взгляд, не сопоставимые.

— Да. Разные весовые категории, и вообще принципиально разные позиции. Каждую роль Брандо играл для того, чтобы, так скажем, усугубить себя в своей профессии. А каждый альбом, который выпускает Мэрилин Мансон — это для того, чтобы в очередной раз взбурдочить толпу.

— Однако я не буду, наверное, далеко от истины, если скажу, что группа «Ва-Банкъ» всегда занимала довольно решительную общественную позицию, и в этом, наверное, была далека от «пути одиночки». В частности, вы участвовали в международной программе борьбы с наркотиками и наркобизнесом. И фести-

валь «Учитесь плавать» — это был социально значимый и социально осмысленный шаг.

— (Задумчиво.) Наверно, мне тогда казалось, что это социально значимая тема, которая почему-то очень игнорируется обществом. Сейчас не так игнорируется, хотя сама тема менее злободневной не стала. В тот момент у меня было ощущение, что многие знают об этой проблеме, но никто не говорит. А ведь музыканты, особенно те, кто играет «тяжелую» музыку, — это и есть в первую очередь основная группа риска. Для них это стало бедой. И недаром ведь именно «альтернативные» музыканты объединились на Западе в общественное движение, которое борется с наркотиками.

— Вы продолжаете участвовать в их акциях?

— А нет самих акций. По крайней мере, я про это ничего не знаю. Если ты поддерживаешь это движение, тебе достаточно взять их знак — переломанный шпирц на фоне автомобильного знака «Стоп» — и поставить на свой альбом, например. Это значит, что ты уже выражаешь солидарность. Ну а коль скоро тогда возник фестиваль «Учитесь плавать!», мне показалось, что было логично этот знак сделать не только знаком приобщенности группы «Ва-Банкъ» к общественному движению против наркотиков, но и знаком восточных у нас, в частности, в Томске, где в 1996 году на воздушном шаре. Местные ребята предложили мне и Косте Кипчеву покататься на воздушном шаре. Костя сейчас говорит, что это я его тогда уговорил. Мне почему-то кажется, что совсем наоборот, но это не важно. Было интересным и интригующим такое предложение, если не учитывать, что через три часа должен был быть концерт. Когда мы приехали на то место, откуда нужно было взлетать, стало очевидно, что что-то не в порядке и с этим шаром, и с погодой. Потому что ветер был очень сильный. Но ребята оказались хитрыми и услышали. Хотя, конечно, за такие дела нужно башку отвинчивать! Они уговорили нас, не сказав, что сила ветра в два раза больше допустимой нормы. Потом мы это узнали... В результате всего мы с трехом пополам поднялись, но это было еще полдела. А вот когда мы опускались, что является самым опасным в воздухоплавании, то именно тогда я и оценил степень моей, в данном случае, «безбашенности» и жалел, что на это согласился. Корзина ведь сначала опускается, а сам шар и все эти приспособления следом падают, а потом ветром их тащит по земле. И если тащит со страшной силой, как было тогда, при этом ветре, то все выпадает из этой корзины, причем как выпадает! И вот в этой ситуации, когда оно выпало, я оказался в самом низу. Соответственно, все попадало на меня. А тащило нас по пахоте, куда мы опустились. Это был совершенно безмозглый поступок. И его я запомню надолго.

Сейчас мне уже трудно сказать, насколько большой общественный резонанс это имело. Если так действительно и было, то я очень рад. Значит, это та маленькая доля, которую я внес в копилку мер, не позволяющих обществу... ну, по крайней мере, так быстро скатываться в пропасть, в которую оно и так скатывается. Понимаете, по мере взросления во мне борются все время два чувства — с одной стороны, некое чувство обреченности, которое усиливается с годами, а с другой стороны, чувство того, что что-то можно сделать, которое с годами уменьшается.

— Правильно ли я понял, что вы разочаровались в перспективах активного участия в общественной жизни?

Слова

Глеб Самойлов («Агата Кристи»):
— Саша Скляр — родной человек. Работать с ним интересно, потому что он заражает своей энергией, своим интересом к новому и тем, что он никогда не останавливается на достигнутом. Вспоминаю о том, как мы окончательно решили ставить спектакли по песням Вертинского. Это было летом 2005 года в городе Алматы на выездном фестивале «Нашествие».

После первого дня фестиваля рок-музыканты разных групп собрались в гостинице у бассейна. Кто-то принес гитару, и мы стали по очереди петь. И в результате все закончилось тем, что мы с Сашей пели друг другу Вертинского. И тогда мы поняли, что это окончательно и бесспорно.